

ИЯР-СИВАН 5762

ПЕТРОЗАВОДСК

МАЙ 2002

N 47

СУТЬ ТАЛМУДА

Если Танах (Библия) – фундамент иудаизма, то Талмуд – центральная несущая колонна, на которой покоятся его духовный и философский свод. В определенном смысле Талмуд – это главная книга в еврейской культуре, становой хребет национального существования и творческой активности народа. Ни одно другое произведение не сравнимо с ним по своему влиянию на теорию и практику иудаизма, чье духовное содержание он определяет и указывает людям, как действовать. Евреи всегда осознавали, что их сохранение и развитие как народа зависит от изучения Талмуда. Прекрасно понимали это и врачи Израиля; они шельмовали его, проклинали, бесчисленное множество раз предавали сожжению и в средние века, и в совсем недавнее время.

Формальное определение Талмуда – Устная Тора: свод законов, разработанный мудрецами, которые жили в Эрец-Израиль и Вавилоне с древнейших времен до начала средних веков. Он состоит из двух основных частей: Мишны – книги по Галахе (Закону), написанной на иврите, – и Гамры – комментария к ней, представляющего собой дискуссии мудрецов и объяснения ими мишнайот (ед. мишна), написанного на арамейском языке со множеством вкраплений ивритских слов.

Такое определение Талмуда, будучи формально верным, совершенно недостаточно и может ввести в заблуждение. Талмуд – не просто изложение законов и комментариев к ним. Это – хранилище многотысячелетней еврейской мудрости, в котором нашло выражение Устное Учение, столь же древнее и всеобъемлющее, как и Писменная Тора. Это сплав Закона, легенд и философских размышлений, сочетание уникальной логики с изощренным pragmatismом, истории – с наукой, притч – с анекдотами. Поэтому Талмуд – сплошной парадокс: его форма упорядочена и логична, каждое его слово тщательно выверено в ходе многовековой работы составителей, которая продолжалась еще столетия после того, как этот свод трактатов уже в основном сложился, – и в то же время все в нем основано на свободной игре ассоциаций, на сопряжении далеких понятий, напоминающем современный литературный жанр «поток сознания». Талмуд подчинен цели толкования и разъяснения законов – и в то же время является своеобразным произведением искусства, далеко выходящим за рамки чистой юриспруденции и ее практического применения. Талмуд по сей день остается основой еврейского Закона – и вместе с тем на него нельзя ссылаться как на решающий авторитет в практических вопросах.

Талмуд рассматривает абстрактные и порой совершенно схоластические проблемы с той же серьезностью, что и самые прозаичные вопросы повседневности, – и при этом ухитряется обходиться без всякой специфической терминологии. Основанный на традиции, на передаче авторитетного мнения из поколения в поколение, он вместе с тем не имеет себе равных в настойчивости, с какой подвергает сомнению и пересмотрю все становившиеся и общепринятые точки зрения и доказывает до корней любого утверждения, не принимая его на веру. По строгости обсуждения и точности доказательств Талмуд приближается к математике, однако не прибегает к математической символике.

Чтобы лучше понять это уникальное творение, задумаемся на минуту над целями его авторов и составителей. К чему они стремились, эти тысячи мудрецов, вся жизнь которых прошла в талмудических дискуссиях, веками продолжавшихся в сотнях больших и малых центров учения? Разгадка таится в самом названии их труда: «Талмуд» означает «изучение», «познание». Талмуд – это воплощение великой концепции мицва-тальмуд Тора: религиозной заповеди, обзывающей изучать Тору, в чем одновременно содержится для человека и цель, и награда. Один из мудрецов Талмуда сказал: «Снова и снова листай ее (Тору), ибо в ней содержится все. Вглядывай в нее, и состарясь в ней, никогда с ней не разлучайся, ибо нет в мире большего блага».

Изучение Торы, несомненно, служит многим практическим нуждам, но не в поисках житейских подсказок состоит его главная цель, и оно не зависит от степени важности или практической значимости обсуждаемой проблемы.

Цель – само учение. Это не означает, что практическое приложение разбираемых вопросов для Талмуда несущественно, – напротив: в нем подчеркивается, что тому, кто изучает Тору, не следует ей, лучше бы вовсе не родиться на свет. Истинный талмудист должен служить и примером в поведении. Но это – лишь один аспект основной талмудической установки, которая гласит: тот, кто погрузился в текст, не должен преследовать никакую иную цель кроме его изучения. Поэтому любой вопрос, связанный с Торой или с жизнью по Торе, достоин пристального рассмотрения и анализа и всегда следует стремиться проникнуть в самую ее суть. В ходе этого изучения никогда не поднимается вопрос о том, имеет ли этот анализ практическое приложение. Мы часто встречаем в Талмуде пространные и горячие дебаты по различным проблемам, которые касаются самых отвлеченных особенностей талмудического метода и получаемых с его помощью заключений. Мудрецы не жалели сил даже тогда, когда знали, что данный источник уже отвернут и не имеет никакого значения для юридической практики. Это объясняет нам и те споры, которые велись по вопросам, относящимся к далекому прошлому, и которые, вероятно, уже никогда больше не будут иметь отношения к действительности.

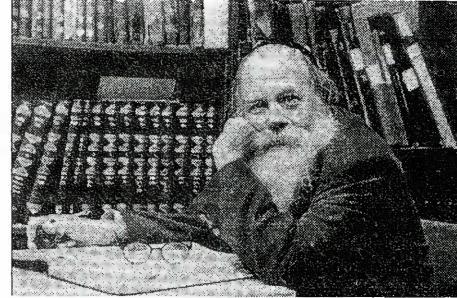
Случалось, конечно, что проблемы, некогда казавшиеся далекими от практики, позже становились актуальными. Абстрактным наукам известно такое явление. Но для талмудиста это не так уж и важно, ибо с самого начала его единственная цель – решение чисто теоретических задач, и единственная награда – поиск чистой истины.

Талмуд подчеркнуто построен по канонам юридических трактатов, и многие совершают ошибку, считая его сугубо юридической книгой. В действительности, Талмуд рассматривает все, с чем имеет дело, – в основном это Галаха, тексты Торы и традиции, идущие от мудрецов древности, – как явления природы, как объективную реальность. Когда имеешь дело с природой, нелепо утверждать, что то или иное в ней не заслуживает внимания. Предметы и явления, конечно, различаются по степени важности, но все они сходны тем, что существуют. Они есть, и, стало быть, их нельзя игнорировать. Когда талмудист исследует древнюю традицию, он воспринимает ее прежде всего как нечто реально существующее. Независимо от того, обязывает эта традиция его лично или нет, она – часть его мира. Когда талмудисты обсуждают отвергнутую идею или толкование, они относятся к ним как ученым, рассуждающим о неком виде организмов, вымерших из-за неспособности приспособиться к изменившимся условиям. Этот вид, так сказать, не сдал экзамен на выживание, но это не значит, что он не представлял интереса как объект научного исследования.

Более вправе продолжалась одна из величайших талмудических дискуссий: полемика школ Шамая и Гилея. В конце концов ее итоги были подведены в знаменитом изречении: «И то, и другое – слова Б-га живого, но Галаха – по учению Гилея». То, что предпочтение было оказано одному из методов, не означает, что другой исходит из неверных посылок; он тоже – проявление творческой силы и «слов Б-га живого». Когда один из мудрецов сказал, что некая точка зрения ему не нравится, коллеги упрекнули его, заметив, что не следует говорить о Торе: «Это хорошо, а это нет». Ведь ни один учений не станет судить об изучаемом предмете по принципу «симпатичный – несимпатичный».

Впервые Тора была уподоблена природе в глубокой древности, и эта идея была развита мудрецами. Одно из самых ранних ее выражений гласит, что точно так же, как архитектор строит дом, пользуясь планами и чертежами. Всеобщий создал Тору, чтобы творить мир согласно ей. По этой концепции Тора в определенном смысле структурно подобна природе, ибо является сущностью мира, а не просто описывает его извне. А коль скоро это так – в ней нет ничего, что можно было бы счесть странным, отстраненным и не заслуживающим исследования объектом.

Талмуд не является монографией одного автора. Эта книга сложилась в результате сведения воедино накопившихся за долгое время рассуждений и высказываний многочисленных мудрецов, ни один из которых не думал о том, что его слова будут записаны в подобном своде. Их замечания были продиктованы тогдашней действительностью, вызваны животрепещущими вопросами, которым им приходилось решать, и спорами, в которых они участвовали. Поэтому в Талмуде невозможно вычленить некую единую тенденцию или определить специфическую цель. Каждая из дискуссий в значительной мере независима от других и уникальна, и ход обсуждения той или иной темы может не совпадать с другими сценариями. И в то же время Талмуд имеет свой собственный, безошибочно распознаваемый и поразительно цельный облик. В нем запечатлен не ин-

дивидуальный творческий стиль автора или редакторов, но колективный характер всего еврейского народа.

В Талмуде есть тысячи высказываний безымянных мудрецов, но и там, где авторы называются по имени, дух коллективного творчества берет верх над различием индивидуальностей. Как бы яростно ни спорили два талмудиста, читатель в конце концов улавливает объединяющие их принципы единой веры и общего образа мыслей, и тогда перед ним открывается всеобъемлющее единство, которое охватывает все различия.

Хотя Талмуд является итогом многовековой аналитической работы, принято цитировать его в настоящем времени: «Аббай говорит...», «Рава говорит...» В этом обычай выражает убежденность в том, что Талмуд – не просто свод мнений мудрецов древности и что судить о нем как о памятнике далекого прошлого неверно. Талмудисты, правда, соотносят личности мудрецов с периодами, в которые они жили (и выяснение такого рода является одним из элементов самого изучения), однако о подобных различиях говорится только тогда, когда необходимо, и слова эти не носят оценочного характера. Создатели Талмуда представляли себе время не в виде беспрерывного потока, бесследно стирающего прошлое, но как живую и развивающуюся сущность, в которой настоящее и будущее неразрывно связаны с никогда не умирающим прошлым. В этом процессе развития одни элементы уже застыли в устоявшейся форме, тогда как другие, соприкасаясь с настоящим, пока еще гибки и изменчивы, но весь процесс как таковой возможен только потому, что каждый, даже самый древний,казался бы, оставивший элемент сохраняет жизненную активность и играет свою роль в бесконечном, самообновляющемся общем труде созидания.

Вера в непрерывное творческое самообновление мира объясняет также, почему во всех талмудических дебатах главная роль играет вопрошающее сомнение. В определенной мере весь Талмуд построен на вопросах и ответах, и даже там, где вопрос не поставлен прямо, он лежит в основе каждого утверждения. Один из самых древних методов изучения Талмуда состоит в том, что любое высказывание рассматривается как ответ и по нему реконструируется соответствующий вопрос. И не случайно Талмуд содержит такое количество вопросительных слов, начиная с простого «почему?», направленного на то, чтобы удовлетворить обычное любопытство, и кончая фундаментальным «может ли быть, что...», ставящим под сомнение самые основы обсуждаемой проблемы. Талмуд различает тончайшие оттенки вопросов – принципиальные и частные, по существу и по мелочам. Любой вопрос позволяет и желает, и чем больше вопросов, тем лучше. Высказывание сомнений не только разрешается, но и поощряется: на этом построены сам Талмуд, на этом построено и его изучение. Ни один вопрос не считается неподходящим, некорректным, если он касается обсуждаемой темы и содействует ее раскрытию. Как только ученик усвоил некие основы, от него уже ждут, что он начнет задавать вопросы и высказывать сомнения. Талмуд, вероятно, единственная в мировой культуре священная книга, которая позволяет и даже призывает сомневаться в любом своем утверждении. Но эта особенность означает также, что Талмуд нельзя познать извне. Уникальный характер этой книги обрекает любое ее внешнее описание на неизбежную поверхность.

Подлинное понимание Талмуда может быть достигнуто только посредством духовного слияния с текстом, эмоционального и интеллектуального вовлечения в его обсуждение, в результате чего ученик сам, в какой-то мере, становится его творцом.

Раввин Адин Штейнзальц (Эвен Исаэль)

ЛЮСЯ

Полустанок Тавда, затерянный в безбрежье Северного Урала, был конечным. Здесь рельсы обрывались, упираясь в несколько шпал, расположенных друг на друга пирамидой. Вокруг сплошной стеной стояла мрачная пугающая тайга. От полустанка на десятки километров вглубь леса уходила узкоколейка, а после нее еще длинные лежневки для лесовозов и лишь в конце их обосновался никому не веданом поселок со странным нерусским названием Киртым -Я. В центре его располагался один из многих тысяч гулаговских лагерей. Опасаясь говоров, побегов или восстаний, администрация через какое-то время перебрасывала заключенных в другие, еще не знакомые места. Так и я, после многих лет лагерей оказался в этом Киртым -Я. И снова уже хорошо знакомый лесоповал, и снова день-деньской тяни опостылевшую пилу: тебе - себе - начальнику...

Чем дальше в глушь, тем условия хуже: начальство больше ворует. И без того мизерная норма до работяг доходила лишь в виде жи-денькой баланды, где плывает лишь нескользко крупинок да кожура от картошки. Немыслимая физическая нагрузка и низкокалорийная пища быстро приводили к дистрофии. Силы и у меня стали заметно таять, стал доходить. Перспектива самая мрачная. Я это понимал, но ничего предпринять не мог. Кому скажешь? Закон - тайга, прокурор - медведь!

Однажды, работая в лесу, я сильно поранил ногу и вечером пошел в больничку - лагерный медпункт. Очередь была большая. Я сел крайним на длинную скамейку, согрелся и, прислонившись к стене, крепко уснул. Сколько времени проспал не знаю, но меня разбудил женский голос. Его тембр показался каким-то знакомым, где-то я его уже слыхал. С трудом раскрыл глаза. В коридоре больнички я сидел один. Передо мной стояла женщина в белом халате и трясла меня за плечо. Окончательно проснувшись и придя в себя, обомлел. Передо мной стояла Люська. Люська, с которой я вместе проучился в одном классе десять лет. Я ее сразу узнал. Люська была лучшей ученицей нашего класса, только ей, и иногда мне, были под силу каверзные уравнения с тригонометрическими функциями. Она не была красавицей, за нее не увивались мальчики, да и сама, по-моему, никому не писала трогательных писем. Небольшая, кругленькая, черненькая. Моя тетя, увидев ее, сразу точно окрестила: «Перчинка». Так это школьное прозвище к ней и прилипло. Конечно, Люська изменилась. Исчезла беззаботная улыбка, нет и толстой в руку косы, обивавшей ее голову, глаза потускнели, в их углах появились чуть заметные предательские лучики. Она меня также узнала. Вопросы были приблизительно одинаковыми: «Как? Почему? Каким образом?» Люська больше слушала, меньше отвечала, я лишь понял, что жизнь у нее не сложилась, она - одна. Люся была очень взволнована, достав из пачки папиросу, жадно затянулась. Люська курит! В те годы курящая женщина была большой редкостью.

Перевязав мне ногу и воспользовавшись тем, что мы одни, она успела меня предупредить, чтобы ни одна душа не знала, что мы знакомы, иначе будет очень плохо, не только мне, но и ей. Я удивился: «Что может быть еще хуже?» «Урановые рудники!» - Люся это сказала открытым текстом, прямо. В лагере стукачей - каждый второй. Уходя, я ей намекнул, может ли она в чем-то мне помочь. Например, сделать своим помощником, я все же биолог, работал какое-то время в больнице, хорошо

владею всей фельдшерской техникой. Но она на это промолчала.

Прошло довольно много времени, и я уже потерял всякую надежду, но однажды утром, когда бригады разводили на работу, ко мне подошел надзиратель и, спросив фамилию и другие данные, повел на вахту. Там мне вручили медицинскую сумку с медикаментами. Теперь я буду оказывать экстренную медицинскую помощь, а она требовалась очень часто: в лесу случались разные несчастные случаи. В этом, конечно, была рука Люси. Она оказалась более порядочной, чем я о ней думал. Вечерами, после работы в лесу, помогал ей на приеме, ухаживал за лежачими. Я чувствовал, что моей работой Люся довольна. Кроме того, она мне доверяла, что в тех условиях было совсем немало. Между нами сложились рабочие, строго официальные отношения. Ее предупреждение я всегда помнил.

Через несколько месяцев мне поручили обслуживание и гражданского населения поселка, сделав бесконвойным. И в этом несомненно была заслуга Люси.

Поселок был небольшой и состоял из щитовых домиков, в которых жили военные, вольнонаемные и размещались разные службы. Военных обслуживала Люся, меня туда не допускали. Гражданские были из крестьян или из бывших эзеков. Жили по-разному. Иногда в дом войти было страшно - не квартира - берлога. Грязь непролазная, немытые окна, на полу окурки, вместо стола - перевернутый кверху дном ящик, вместо постели - ворох грязного тряпья, пустые водочные бутылки. К телам, пахнувшим потом и несвежим бельем, противно прикоснуться. Но были и другие. Чистые, ухоженные квартиры, намытые белые полы, покрытые самодельными дорожками, застланые цветными покрывалами кровати, на стене коврик с традиционными лебедями, фотографии и картинки из «Огонька». Почти все население имело огороды, кур и свиней, а некоторые - овец и даже коров. Но полное отсутствие каких бы то ни было развлечений: ни радио, ни книг, изредка доставлялись газеты и еще реже солдатам привозили устаревшие фильмы. В поселке это воспринималось как праздник. Особенно скучали нигде не работающие женщины. Если летом какое-то время приходилось уделять внимание огородам и хозяйствству, то зимой жизнь становилась совсем беззаботной, однообразно серой, даже мой приход вносил какое-то оживление. Иногда именно поэтому меня и приглашали, придумывая несуществующие хвори. На мой вопрос, где болит, всегда отвечали одинаково: «внутрях». Чаще других приглашала жена одного из наших надзирателей, аккуратная и в общем-то, красивая женщина. Я еще не успевал вытереть ноги у порога, как она уже, расстегнув пуговки на блузке, с удовольствием демонстрировала здоровое тело молодой кобылицы. Дав лизнуть какое-нибудь пустячное лекарство, быстро уходил, к явно неудовольствию пациентки. На приглашение попить чай или угоститься я отвечал неизменным отказом. Я знал, что стены имеют глаза и уши, за мной с интересом следят со всех окон, а я слишком дорожил своим положением. Но от гонораров в виде пирожков, ватрушек, колбасы или яиц не отказывался. Я быстро встал на ноги, набрал утерянный вес, кожа разгладилась и порозовела, в волосах снова появился матовый блеск. Я даже стал подкармливать близких мне по духу зеков.

Для увеличения добычи древесины в ла-

геръ завезли электропилы и передвижную электростанцию с газогенератором, работающим на дровах. Налипленные кусочки сухой березы загружали в объемный бункер, где они подвергались сухой перегонке. Образующийся при этом газ, подобный выхлопному в автомашине, приводил в действие электростанцию. Всем этим управлял Артур Вибе - русский немец из-под Одессы, профессио-нальный шофер. Во время войны служил в немецкой армии, работая на душегубке - закрытой машине внутри которой вывалилась выхлопная труба. Машина до отказа набивалась евреями, и пока их привозили за город, где были вырыты огромные рвы, все уже были мертвые. Их выгружали, и машина следовала за новой партией. Однажды произошел исключительный случай. При выгрузке на самом дне оказалась живая девушка. Удивленные полицаи даже хотели ее отпустить, мол, уж если повезло, то пусть живет, но ее все же пристрелили. Артур об этом и о других подобных случаях рассказывал совершенно спокойно, хладнокровно, ни одна мысль не дрогнула на его лице. Это была его работа, работа палача. И даже теперь он ни о чем не сожалел. Артур часто удивлялся, как я выжил, он думал, что все евреи давно уже уничтожены.

Однажды, когда я находился в лесу, ко мне прибежал другой немец, Артура друг, весь взмыленный, взволнованный, вспотевший и, задыхаясь, простонал: «Беги скорей, Артур умирает!» Странный парадокс: я, сидевший за любовь к своему народу, должен был спасти жизнь его убийце... Когда я пришел, Артур лежал возле газогенератора, неловко подвернув под себя руку. Остекленевые глаза тупо смотрели в небо. Пульса не было, зрачки не реагировали на свет. На морозе он быстро остыwał, и снег на его ладони уже не таял. Трубка, подающая газ из газогенератора, засорилась. Артур ее отвинтил, прочистил, продул и при этом невольно надышался газом. Я был ошеломлен! В лесу, на чистейшем воздухе умер Артур! Умер от того же выхлопного газа, которым травил тысячи безвинных душ... Я не верил в мистику, во всякие предначертания судьбы, в чудеса, в Высший суд, но Артур мертвый, как доказательство, лежал передо мной... Что это, случайность или справедливое возмездие? Конечно, в принципе могло быть и случайное стечание обстоятельств, но вероятность его бесконечно мала и его осуществление равно нулю. Это, и еще день 9 ава, в который случались все большие беды еврейского народа (почему в разные годы, даже в разные столетья, но всегда в один и тот же день?) сильно поколебали мои философские устои...

Вскоре меня освободили. В последний раз я зашел в больничку. Люся, задумавшись, смотрела в окно и нервно глотала папиросный дым. Конечно, она уже все знала. Я отдал сумку с медикаментами, взял ее руки и горячо поцеловал. Люся ко мне прижалась и, положив голову на плечо, что-то невнятно и тихо шептала. Но в это время в коридоре раздались шаги - за мной пришел надзиратель, чтобы проводить на вахту. Я в последний раз обернулся. Люся стояла одинокая и растерянная. В уголках ее глаз блестела слеза... Она плакала. Думается, что мой внезапный отъезд еще одну ее надежду сделал несбыточной. Больше Люсю я не видел.

Залман Кауфман

ТАЙНЫ ЕВРЕЙСКОГО АЛФАВИТА.

Продолжение. Начало см. в №№ 43-46

К В отличие от буквы *йод*, отражающей динамику творения и развитие его духовной сферы, буква *каф* символизирует воплощение духовных идеалов в конкретной реальности. По самой своей сути эта буква связана с созиданием: «плоть» – так переводится из иврита слово *каф* – является одним из основных инструментов, без которых невозможно строительство. Слово *каф* переводится также как «ладонь». С помощью именно этой части тела человек воплощает большинство своих созидательных замыслов. Гимнографии буквы *каф* – 20, т.е. удвоенное числовое значение буквы *йод*. Подобно зеркалу, репродуцирующему находящийся перед ним объект, *каф* отражает и усиливая, воплощает идею, переданную буквой *йод*, в реальную действительность. Особенность этой формы созидания в том, что она осуществляется человеком, задача которого, согласно иудаизму, не быть пассивным объектом, подчиняющимся обстоятельствам, но идти путями Творца, активно совершенствуя мир. На это есть намек в начале Пятикнижия, в описании творения, в словах: «...Б-г творил для созидания» («Брейшит», 2:3). Наши мудрецы объясняют: «Б-г творил, чтобы человек мог созидать». И основа для этого – в духовности, воплощенной в букве *йод*, числовое значение которой равно десяти, в Десяти заповедях, данных евреям на горе Синай, которые мы должны исполнять в по-вседневной жизни.

В грамматике иврита сравнительная степень образуется именно с помощью буквы *каф*. Чтобы быть оптимальным, процесс созидания должен отличаться четкостью, направленностью и выверенностью до мельчайших деталей. Это достигается путем сравнения всех возможных вариантов достижения цели. Результатом сравнения должен стать выбор лучшего из них. Правильное решение помогает двигаться вперед, не отклоняясь, на что и намекает форма буквы *каф*: она закрыта с трех сторон и открыта только в направлении следующего за ней текста. По форме она напоминает букву *бет*, это указывает на их функциональное сходство: обе буквы отражают способность к оформлению, структурированию понятий и сущностей. Ни их внутреннюю связь не указывает и гимнография этих букв: два на *бет* и двадцать на *каф* – 2x10 (о смысле этих чисел мы говорили выше).

В связи с определением человека как соучастника творения следует вспомнить о том, что с буквой *каф* начинается слово *кетер* – «корона», символ царской власти. Желание Царя вселенной состоит в том, чтобы люди строили мир в соответствии с выраженным Им волей. Следование этому является самым ярким подтверждением добровольного принятия на себя Его власти. Само выражение *кетер маалхут* – «царская корона» – кабалистический термин, означающий процесс перехода от Высшей, Б-жественной воли к ее воплощению в реальности нашего мира. Именно этим люди коронуют Всевышнего.

Человеку присуще стремление к действенному созиданию, и он, как уже говорилось, может стать соучастником творения. На это намекает написание названия буквы, первая из букв в котором – *каф* – символизирует материальное созидание, как об этом уже писалось выше, а название второй – *пэй* – переводится как «рот», «кусак» и указывает на способность к речи, присущую только человеку. В этой способности пользоваться своим интеллектуальными и духовными силами для

конкретных действий – указание пути, на котором он должен реализоваться как мыслящее существо, способное к выбору, со-зиданию и творчеству.

Л Над всеми буквами, почти в середине алфавита, высится буква *ламед*. Буквы, составляющие ее название, образуют слова *лад* – «учись» и *ламед* – «обучай». Таким образом, буква *ламед* воплощает в себе идею учебы, краеугольный камень европейской традиции. Человек обязан учиться сам и обувать своих потомков. В учебе – основа преемственности поколений, это залог выживания еврейского народа – и физического, и духовного.

В самой форме буквы есть намек на объединяющую силу учебы. Она похожа на пастуший рожок, звуками которого в станицу созывали стадо пастухи. Этот рожок назывался *ламед бакар*. Еврейский народ уподоблен стаду, а учение – рожку, при помощи которого можно собрать народ воедино.

Начертание буквы, напоминающей фигуру человека, устремленного ввысь, символизирует духовный поиск, стремление возвыситься над повседневностью. Один из величайших еврейских мыслителей, раввин Кук, уже упоминавшийся здесь, указывал на то, что верхняя часть буквы, символизирующая высшие, духовные сферы, поднимает за собой ее нижнюю часть, которая также увлекается вверх. В мидраше говорится: «Слово *ламед* – аббревиатура выражения *лев месин даим* – «сердце, разумеющее знание» («Отйтот де-раби Акивы»), как сказано в Торе: «...будут слова эти... в сердце твоем» («Дварим», 6:6). Высунувшееся должно проникнуть в сердце, и, подобно сердцу, которое поддерживает жизнь тела, буква *ламед*, находящаяся чуть левее середины алфавита, символизирует учебу, поддерживающую жизнь души. Учеба влияет на личность человека и представляет в новом свете все узнанное им ранее. В грамматике иврита буква *ламед* исполняет функцию предлога направления – «ко», ведь именно учеба направляет человека на верный путь.

Л *Ламед* – последняя буква в тексте Торы, который завершается словом *Исрэль*. Первая же буква в Торе – *бет*, в слове *брешит*. Эти две буквы образуют слово ??? – «сердце». У человека, который удостоился изучать Тору и жить в соответствии с ее законами, – чистое сердце. Слово *Исрэль* – Израиль – начинается с буквы *йод*, самой маленькой в еврейском алфавите, и заканчивается самой большой его буквой – *ламед*. Это говорит о том, что Израиль, отнюдь не самый многочисленный среди народов, удостоился величия и воззвания, как сказано в книге пророка Йешайаху: «...поднимется, и вознесется, и возвысится чрезвычайно» (52:13).

Гимнография слова *ламед* – 30, то есть три раза по десять. Как уже было сказано, число десять выражает совершенство, а три – способность к синтезу, свойствусти истины. Таким образом, буква *ламед* выражает идею достижения истинного совершенства путем изучения Торы, сопряженного с проблемами и сложностями, лишь преодолев которые человек может по-настоящему освоить изучаемое и достичь идеала.

Буквы, соседствующие с *ламед* в *алефбет*, – *каф* и *мэм*, – являются первыми буквами в словах *кетер маалхут* – «царская корона», а вместе с гордо возвышающейся *ламед* они образуют слово *мелех* – «царь». Изучение Торы и исполнение воли Всевышнего – «И узнаешь ты в тот день, и применишь сердцем своим, что Г-сподь – Б-г, от небесных высей до земных глубин ни-

чего кроме Него не существует» («Дварим», 4:39) – вот абсолютное подчинение себя власти Б-га, коронация Его человеком.

Б Буква *мэм* – воплощение зрелости, физической и духовной самостоятельности. Достижение этого состояния – мучительно долгий и трудный процесс, каждый из этапов которого отличается от предыдущего, но ни один из них не может считаться законченным, пока весь процесс не завершен. Зрелость гармонично обобщает все качества, возникшие и развившиеся в течение жизни. В идеале, они не должны мешать и противоречить друг другу. На своем жизненном пути человек переходит от одного состояния к другому, преодолевая детский эгоцентризм, невежество, незнание мировосприятия и максимализм, на каждом этапе, в любом возрасте по-разному реализуя свой потенциал. В оптимальном варианте зрелый человек не должен отказываться от качеств, которые были свойственны ему в юности, от своих прежних мыслей и системы ценностей; его личность формируется таким образом, что все качества и желания эволюционируют пропорционально и последовательно.

Числовое значение буквы *мэм* – 40. Гмарра говорит, что закладка основных органов эмбриона человека в чреве матери завершается с сороковым днем от зачатия, с этого момента он получает статус живого существа. Странствие еврейского народа по пустыне, во время которых Израиль возмужал и сформировалась, также продолжались сорок лет. Тора, которая содержит в себе все составляющие бытия и является образцом совершенства. Всевышний передавал Моисею в течение сорока дней пребывания вождя еврейского народа на горе Синай.

Слово *мэм* – «вода» – пишется так же, как название букв *мэм* с добавлением буквы *йод*. Наши мудрецы сравнивают Тору с водой. Комментируя стих из книги пророка «Все, кто жаждет, – пусть идет к воде...» («Йешайах», 55:1), они утверждают, что в любом месте Священного Писания, где упоминается вода, иносказательно говорится о Торе. У Торы, дарованной евреям через Моисея, имя которого также начинается с *мэм*, есть важное свойство, присущее и воде: способность изливаться с высоты, не изменяясь при этом. Тора, источник мудрости и чистоты, спускается из высших сфер на уровень каждого из нас, вплоть до уровня малого дитяти, при этом оставаясь Торой Всевышнего и гармонично соединяя в себе все элементы бытия. Р. Кук объясняет, что Тора, воплощением которой является срединная буква *алефбет* – *мэм*, – объединяет в себе две сферы бытия: *мамар* – «речь», духовную область, и *мифаль* – «действие», область действия. Обе они объединяются Торой, источником духовности в мире действия, в единое целое.

Буква *мэм* имеет две формы написания: открытую и закрытую; вторая, конечная форма, используется в конце слова. Исходя из сравнения этой буквы с Торой, один из классических комментариев, «Торат-хамис», утверждает, что открытая форма соответствует тому уровню понимания текста, который доступен человеческому разуму; тот уровень Откровения, смысл которого непостижим для творений, соответствует закрытой форме написания *мэм*.

Давид Палант

Из еврейской поэзии

Авраам ибн Сагл (1338-1260)

Жил в Севилье в XIII столетии еврейский поэт Авраам ибн Сагл. В то время царствовала там арабо-берберская династия Альмогадов. И отличался этот режим резким исламским фанатизмом. В этой ситуации Авраам ибн Сагл принял в 1251 году ислам, возможно был вынужден сделать этот шаг. При этом он не покрылся с миром своих предков. Об этом свидетельствует его мусульманское имя: Абу Исхак Ибрахим ибн Сагль аль-Израили. Авраам ибн Сагл погиб в море по дороге в Северную Африку. В стихах его памяти один поэт писал: «Твои стихи были как жемчуг, и сам ты – жемчужина, вернувшаяся в лоно моря».

Пир

Кубки все вином наполнили, пустим побыстрей по кругу,
Вот и капли дождевые брызнут по сухому лугу.

Туча с неба увидала вихрь засушливый и пыльный,
Сжалась и напоила злаки влагою обильной.

Молния мечом сверкнула, и гроза готова к бою,
Тучи двинулись сразиться насмерть с засухой земною.

Пальмы с листьев дождь стряхнули, стали и стройней, и краше,
Словно выпили не воду, а вино из полной чаши.

Лепестки цветов раскрылись, как ресницы глаз прекрасных,
А из глаз лучатся стрелы пламенных желаний страстных.
Взоры их – как звезды ночи, в них такое обаянье, –

Солнце дня затмить не в силах трепетное их сиянье.

Перевод М.Зенкевича

Свидание

Она пришла ко мне, я так был поражен,
Не верил я глазам, подумал – это сон,

Нет, это не она, а бред ночной горячий,
Любовью ослеплен бывает даже зрячий...

Но мимолетное возлюбленной виденье
Дарит нам и в мечтах большое наслажденье.

Мрак окружал меня наедине с любимой,
Но наполнял сердца нам свет неугасимый.

А звезды, в небесах мерцавшие стыдливо,
Смотрели вниз на нас завистливо, ревниво,

Из кубков пили мы, и ночь была чудесной,
Я целовал луну, прекраснее небесной.
От горя умирал я и до нашей встречи,

И чуть не умер я от счастья в этот вечер.

Я дважды умирал, но все же обрел спасенье:
Дарует нам любовь и жизнь, и воскресенье.

Перевод М.Зенкевича

На цвет небес вечерних взглянуть необходимо:
Так выглядит влюбленный, что разлучен с любимой.

И солнце будто медлит, застыл неподалеку, –
Глядит с живым участем, рукой подперло щеку.

Оно на гладь залива тень красную бросает –
Любви смущенной робость и плач соединяет.

И вот оно уплыло, как кубок в час вечерний,
Что выронил из пальцев неловкий виночерпий.

Перевод Е. Николаевской

Иосиф Гин

Раввин Адин Штейнзальц (Эвен Исаэль)

Молитва за еврейский народ

Сжалься над народом Твоим, Израилем, спаси его от гибели, охрани от беды, отведи от него угрозу! Излей свет Свой в разбитые сердца сирот и вдов, отцов и матерей, потерявших детей своих! Исцели всех раненых, даруй силы, мужество и надежду Твоему народу и Твоей стране!

Соверши справедливый суд, покарай убийц и их покровителей, накажи ненавистников и гонителей наших во всем мире – пусть все увидят возмездие Твое за пролитую еврейскую кровь!

Даруй народам разум, чтобы вековая ненависть к нам покинула их сердца, умудри верящих лжи и наветам, направь род человеческий к справедливости и правосудию, к созиданию и помощи ближним!

Пошли Избавление народу Твоему, хранящему верность союзу с Тобой, сжалься над ним, даруй ему мир и благословение, свет и радость!

Песах в Петрозаводской общине в этом году отмечался как никогда широко. Это, прежде всего, Седер Песах в синагоге, который провел приехавший специально для этого из Санкт-Петербурга выпускник ешивы Томхей Тмимим Любович Давид Забродский. Все было по-настоящему: посуда, купленная накануне и откашерованная в речке Неглинке, одноразовые скатерти и приборы, специально приготовленная еда, молитва и, конечно, сам Седер.

Молодежь собралась на свой праздник. Его провели в арендованном помещении представители Петербургского «Гилея»

Наталья Розенберг и Павел Шмелькин. Было шумно, весело, красиво.

Хэсэд Агами устроил праздник для волонтеров. Приятно было видеть красиво одетых людей со светлыми лицами, которые забыли на время свои ежедневные заботы и окунулись в атмосферу Песаха, старались проникнуться духом великого Исхода.

Дети и родители программы Хэсэда «Мазл тов» тоже не остались в стороне и отпраздновали свой Песах. Там акцент был сделан на игру.

В школе Йом Ришон, как всегда по праздникам, за общим столом собира-

лись все ученики – дети и взрослые, педагоги. Пронесли благословения, спели песни, поговорили о значении праздника в наши дни, вкусно поели, дружно хрюстя мацой.

На общий праздник собралось 160 человек – больше мест не было, и кто-то, к сожалению, не смог попасть на него. С приветствием выступили председатель общества «Шалом» Александр Модылевский, директор Хэсэда Агами Михаил Бравый, председатель религиозной общины Дмитрий Цвибель, который и провел вечер. Были зачитаны поздравления от раввина Адина Штейнзальца и раввина Берл Лазара. Спон-

сорами праздника выступили Федерация Еврейских Общин России, Санкт-Петербургское отделение Джойнта, Еврейское Агентство в России.

В последний день Песаха вновь собрались в синагоге для чтения Изкора. Было необычно тихо и торжественно.

Песах прошел, оставив в сердцах всех, принявших участие в праздновании, чувство причастности к великим духовным ценностям своего народа.

Большим концертом в Доме культуры «Машиностроитель», собравшим более 300 человек, отметила наша община День Независимости. В торжественной обстановке дети зажгли менору, зал стоя прослушал гимн Израиля «натикву», и начался концерт, на котором выступили танцевальный ансамбль «Авив», дет-

ский танцевальный ансамбль «Дрейдл», ансамбль «Мария», солисты. Спонсором концерта выступило Правительство Республики Карелия, которому наша община выразила искреннюю благодарность.

А накануне Дня памяти павших солдат ЦАХАЛА в синагоге собрались люди, чтобы прочитать молитвы за погибших и за благополучие Государства Израиль, ведущего сейчас трудную борьбу с международным терроризмом на фоне трусливого поведения «мирового сообщества» перед лицом исламского экстремизма.

Чайна кухня

Чолит с картофелем.

Вариант I: 1 кг. мяса (с жиром), 1-1,5 кг. картофеля, 2 средние луковицы, 2 средние моркови, 1 корень петрушки (по желанию), 4 долек чеснока, 10 горошин черного перца, соль, 2 ст. л. хмели-сунели (по желанию).

Нарежьте мясо кусочками среднего размера и положите в кастрюлю. Сверху положите очищенные овощи (целиком) и все остальные продукты. Залейте холодной водой, так, чтобы она покрыла все и тушите на небольшом огне при слабом кипении часа 4, а затем оставьте на огне (очень малом), чтобы не кипело, до еды.

Вариант II: (из семейных рецептов, проверенных долгой практикой): 1 кг. говядины или 1 курицы (лучше жирная), 1,5 кг. картофеля, 2 луковицы, 3-4 долек чеснока, 1/3 чл. перца.

Очистите картофель и нарежьте кружками на дно толстостенного котелка (3-4 картофелины оставьте целыми и отложите пока в сторону). Поверх картофеля положите нарезанный лук и чеснок, поперчите, отложенный картофель тоже нарежьте кружочками и покройте им мясо, залейте холодной водой так, чтобы дошло до верхнего слоя картофеля и варите на небольшом огне 3-4 часа, затем оставьте на малом огне на сутки.

Можно добавить в чолит кугл. Для этого 1-1,5 ст. муки смешайте с одной небольшой мелко нарезанной луковицей, щепоткой соли и двумя столовыми ложками куриного смылца (вместо куриного смылца можно взять говяжий смылак или любое растительное масло, кроме подсолнечного). Добавьте понемногу воды, пока не получится лепешка, положите ее с краю котелка, сдвинув немного мясо и картофель, и варите вместе с чолитом. Когда будет готов чолит, разрежьте кугл на куски и добавьте в тарелку вместе с мясом и картофелем.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Гендев

Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12, тел. 56-98-55, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

**КОГДА МНОГОМУ
НАУЧИШСЯ В ТОРЕ,
И СТАНЕШЬ УМУДРЕН,
НЕ ЗАНОСИСЬ И НЕ ХВАЛИ СЕБЯ,
ИБО РАДИ ТОГО И БЫЛ ТЫ СОЗДАН.**

Иоханан бен Закай

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ВОЛЬФОВИЧ Валентину Уновну
ЧЕРНЯКОВУ Симу Гершевну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!